

Научныя задачи и методы исторіи философіи ¹⁾.

ВВЕДЕНІЕ.

Философія, какъ извѣстно, разрѣшаетъ свои задачи лишь въ теченіе исторіи. Исторія философіи, подобно всякой вообще исторіи, можетъ быть понимаема въ двухъ смыслахъ: 1) въ объективномъ смыслѣ—какъ извѣстный процессъ развитія или просто „историческій процессъ“ и 2) въ смыслѣ субъективномъ, въ смыслѣ науки—какъ изслѣдованіе и изображеніе этого процесса. Понимаемая въ объективномъ смыслѣ, какъ послѣдовательная смѣна философскихъ міровоззрѣній, она есть процессъ постепенной научной обработки общихъ вопросовъ міропознанія и жизнепониманія, состоящей въ постепенномъ освобожденіи научнаго міросозерцанія отъ всякихъ одностороннихъ и догматическихъ примѣсей и тѣмъ приближающей наше знаніе въ его глубочайшихъ основахъ къ идеалу абсолютной истины. Этотъ взглядъ подробно раскрытъ нами восемь лѣтъ тому назадъ въ особомъ очеркѣ ²⁾. Печатаемая тогда это свое сочиненіе, мы старались принять въ расчетъ всѣ новѣйшія по тому времени сужденія специалистовъ касательно даннаго предмета и потому могли съ полнымъ правомъ считать свои выводы и заключенія,—поскольку они не провозглашались только какъ наше личное убѣжденіе (послѣднее мы обыкновенно обозначаемъ всегда съ над-

¹⁾ Вступительная лекція, прочитанная въ Историко - Филологическомъ Институтѣ Кв. Безбородко въ Нѣжинѣ 26 января 1907 года.

²⁾ П. В. Тихомировъ, Исторія философіи, какъ процессъ постепенной выработки научно обоснованнаго и истиннаго міровоззрѣнія. Сергіевъ посадъ. 1899 г. Стр. 1—37.

лежащей точностью), — совершенно объективнымъ итогомъ господствующихъ въ наукѣ воззрѣній. Естественно, что за протекшее съ тѣхъ поръ время относящаяся сюда литература нѣсколько обогатилась. Но, насколько намъ извѣстно, чего либо заставляющаго отказаться отъ нашего взгляда она не дала. Скорѣе напротивъ, — то, что появлялось въ этомъ родѣ, могло только укрѣплять насъ въ нашемъ убѣжденіи. Какъ на послѣдній по времени примѣръ, можемъ здѣсь указать на статью Виндельбанда въ юбилейномъ сборникѣ въ честь Куно Фишера ¹⁾.

1) Die Philosophie im Beginn des zwanzigsten Jahrhunderts. Heidelberg. 1904—5. B. II, SS. 175—199.—Названная книга и, въ частности, упоминаемая статья Виндельбанда реферировалась нами въ лѣтнихъ книжкахъ „Богословскаго Вѣстника“ за 1905 годъ. Отсылая интересующихся къ этимъ замѣткамъ въ „Бог. Вѣстн.“ или даже къ самому нѣмецкому сборнику, мы теперь отмѣтимъ лишь основныя мысли статьи Виндельбанда, подтверждающія нашу принципиальную концепцію исторіи философіи какъ объективнаго процесса. Примыкая къ воззрѣнію Куно Фишера, выраженному имъ во введеніи къ своей Исторіи новой философіи и опредѣляющему самую философію какъ самопознаніе человѣческаго духа, Виндельбандъ замѣчаетъ, что это воззрѣніе коренится въ Кантовскомъ понятіи о философіи. Задачу философіи составляетъ не метафизическое состязаніе съ другими науками и не система займовъ у нихъ; она имѣетъ свою собственную сферу—въ критическомъ изслѣдованіи разума и его нормативныхъ опредѣленій. Но въ этой самой задачѣ скрывается своеобразная трудность: всѣ опредѣленія, къ которымъ должно приводить самопознаніе разума въ критической философіи, претендуютъ на вѣвременное и сверхэмпирическое значеніе: поэтому они выконмъ образомъ не могутъ имѣть основаніе въ эмпирическомъ существѣ человѣка: предметъ философіи не есть человѣчскій разумъ, какъ спеціальная принадлежность вида homo sapiens, а міровой разумъ; но мы, какъ философствующіе люди, можемъ постигнуть это сверхэмпирическое значеніе опредѣленій разума только изъ познанія нашего человѣческаго разума. Слѣдовательно, отъ его самопознанія и должна исходить философія: мы должны вѣрить, что онъ причастенъ той трансцендентной истинѣ, которая имѣетъ свое значеніе далеко внѣ насъ самихъ, и что мы въ состояніи освободить эту сторону разума отъ тѣхъ пеленокъ, въ какихъ онъ данъ для нашего специфически человѣческаго опыта. Понятно, что эта цѣль достигается лишь исподволь, и потому философія никогда не можетъ быть вполне готовой наукой, а всегда состоитъ лишь въ прогрессивномъ усвоеніи трансцендентнаго содержанія разума (II, 182—184). Итакъ, основанія для всѣхъ истинъ разума, устанавливаемыхъ философіей, лежатъ въ самомъ разумѣ: но отысканіе этихъ истинъ свой исходный пунктъ можетъ имѣть только въ самопознаніи человѣческаго разума.

Теперь мы хотимъ остановиться на исторіи философіи какъ наукѣ и показать, какими путями мы можемъ разобраться въ результатахъ объективно - историческаго процесса, отдѣлить въ нихъ случайное и временное отъ существеннаго и вѣчнаго;—какимъ образомъ констатируется та истина, которую (для своей ли только эпохи или и для послѣдующихъ) содержитъ извѣстная философская система или группа системъ. Говоря короче, мы будемъ здѣсь имѣть дѣло съ вопросомъ о научныхъ задачахъ и методахъ исторіи философіи.

Но откуда получается это самопознание? Это—основной методологическій вопросъ критицизма. Отвѣчаютъ на него двоякимъ образомъ: по однимъ, базисомъ философскаго изслѣдованія служитъ психическая антропология—эмпирическое познание разъ навсегда данной и повсюду себѣ самой равной сущности человѣческой души; другіе хотятъ искать такого самопознания въ постепенномъ самораскрытіи и самоуразумѣніи человѣческаго духа, состоящемъ въ томъ, что онъ свои неопредѣленные и еще не сложившіяся окончательно природныя расположенія развиваетъ въ теченіе исторіи въ сознательныя образованія посредствомъ многочисленнѣйшихъ упражненій въ работѣ надъ разнообразнѣйшими задачами:—здѣсь органомъ философіи становится исторія. Виндельбандъ самымъ рѣшительнымъ образомъ становится на сторону второго рѣшенія (284—285). Формальная законмѣрность фактовъ душевной жизни, которая по своей логической сущности должна оказываться вѣрной для всякаго психическаго содержанія жизни, является однако въ отношеніи къ содержанію разума сама по себѣ индифферентной и представляетъ только естественныя условія, при которыхъ эти содержанія могутъ раскрываться въ эмпирическомъ сознаніи. Поэтому сами эти содержанія не могутъ раскрываться въ эмпирическомъ сознаніи. Поэтому сами эти содержанія не могутъ быть получены изъ понятій психической антропологии. Знаніе содержательныхъ опредѣленій разума черпается только въ исторіи. Содержанія разума пробуждаются въ человѣческомъ сознаніи только задачами общественной жизни. Разумъ со всѣмъ своимъ содержаніемъ не составляетъ принадлежности человѣка какъ существа природы, а есть задача человѣческой культуры. „Человѣкъ какъ разумное существо, говоритъ Виндельбандъ, не данъ въ природѣ, а заданъ въ исторіи“. Такимъ образомъ, „объективный духъ“ или историческое развитіе разума человѣческаго рода есть промежуточное царство между естественной душевной жизнью и вѣчными истинами чистаго разума. Отсюда вполне понятно значеніе исторіи для философіи. Въ ученіи какого либо великаго мыслителя мы видимъ нѣчто большее, чѣмъ рефлексъ его собственной личности, мы признаемъ въ немъ конденсированное и сформированное въ понятія содержаніе разума своего вѣка. Отсюда понятно и то, почему исторія философіи есть существенная и неотъемлемая составная часть самой философіи (185—186).

Въ самомъ общемъ видѣ задача исторіи философіи опредѣляется очень просто,—какъ изображеніе и воспроизведеніе указаннаго выше объективнаго процесса смѣны и развитія философскихъ ученій. И если бы послѣднія интересовали насъ помимо какого либо ихъ отношенія къ трансцендентной истинѣ, то исторія философіи по своимъ задачамъ и методамъ ничѣмъ не отличалась бы отъ другихъ историческихъ наукъ, на примѣръ, исторіи литературы. При признаніи же за нею положительнаго философскаго значенія, ея разработка получаетъ нѣсколько своеобразный характеръ, и у нея оказываются нѣкоторыя новыя задачи, которыя нельзя назвать чисто историческими.

Прежде чѣмъ войти въ болѣе подробныя и частныя разъясненія по этому предмету, мы считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ наша наука выработала такое пониманіе своихъ задачъ; другими словами, мы хотимъ сдѣлать нѣкоторую экскурсію въ область исторіи нашей науки, въ область исторіи „исторіи философіи“. Это имѣетъ для насъ значеніе при опредѣленіи того, что собственно въ философскихъ системахъ должно останавливать на себѣ вниманіе историка философіи.

I.

Историческая установка принципиальныхъ воззрѣній на сущность и задачи научной обработки исторіи философіи.

Исторія философіи принадлежитъ къ числу еще очень молодыхъ наукъ. Указываютъ обыкновенно зачатки ея еще въ древности,—въ цитатахъ Платона, въ работахъ Аристотеля и его школы и въ свѣдѣніяхъ о жизни и ученіяхъ философовъ, собиравшихся позднѣйшими Аристотеля философскими писателями. Но всѣ эти труды, предпринимавшіеся безъ яснаго сознанія собственно научно-исторической задачи, иногда даже съ цѣлями весьма странными и совершенно ненаучными, могутъ имѣть значеніе только, какъ сборники матеріала,— да и то весьма неудовлетворительнаго,— для исторіи древней философіи: анекдоты изъ жизни философовъ, перемѣшанные съ отрывочными свѣдѣніями объ ихъ ученіяхъ и сопровождаемые афоризмами весьма сомнительнаго происхожденія, — все это могло быть занимательнымъ

чтениемъ, но никакъ не исторіей философіи ¹⁾. Работы первыхъ историковъ философіи въ новое время, напимѣръ, Бруккера и др., ²⁾ тоже не обнаруживаютъ въ ихъ авторахъ не только яснаго сознанія какихъ либо научныхъ задачъ, но даже и вообще какой либо опредѣленной и достойной цѣли, кромѣ развѣ претензій на апіорную и голословную оцѣнку. Въдѣ „анекдотическій интересъ,—какъ вѣрно замѣчаетъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ философіи, — возбуждаемый этой пестрой массой разнообразныхъ мнѣній о разныхъ вещахъ и обуславливающийся отчасти своеобразиемъ и странностью нѣкоторыхъ воззрѣній, этотъ анекдотическій интересъ, который былъ главнымъ притягательнымъ пунктомъ подобныхъ „исторій философіи“, не можетъ слу-

¹⁾ Упомянутія о древнѣйшихъ философскихъ ученіяхъ Платона, Аристотеля и раннѣйшихъ перипатетиковъ требуютъ извѣстной внимательности и осторожности въ пользованіи ими для чисто историческихъ цѣлей. Въ различныхъ діалогахъ Платона мы находимъ характеристику направленій Гераклита и Парменида, Эмпедокла, Анаксагора, пифагорейцевъ, Протагора и Горгія, а также и другихъ софистовъ, затѣмъ болѣе всего Сократа, Антистена и др. сократиковъ; у Аристотеля главнымъ образомъ въ началѣ его Метафизики, въ 1 книгѣ, дается обзоръ всѣхъ предшествовавшихъ ученій, точно также—и въ 1 книгѣ Психологіи: тоже—въ дошедшемъ до насъ отрывкѣ, „Объ ощущеніяхъ“, изъ обширнаго труда Теофраста. Нѣтъ основаній заподозрѣвать ихъ въ сознательной неправдивости: но надо имѣть въ виду литературныя особенности и цѣли этихъ писателей. Извѣстная поэтическая вольность въ изображеніи чужихъ ученій, допускавшаяся Платономъ, по преимуществу критическія задачи, преслѣдовавшіяся Аристотелемъ,—все это не позволяетъ въ ихъ упоминаніяхъ древнѣйшимъ ученіямъ выступить въ вполнѣ объективномъ свѣтѣ. Позднѣйшіе доксографы требуютъ еще большей осторожности и критики. То же надо сказать и объ извѣстіяхъ, находимыхъ въ біографіяхъ философовъ (напимѣръ, у Діогена Лаэртія). Наконецъ, фрагменты собственныхъ сочиненій философовъ,—помимо того, что нуждаются въ самой тщательной критической обработкѣ,—само собою понятно, уже ни въ какой мѣрѣ не составляютъ исторіи, а только матеріалъ для нея.

²⁾ Изложеніе Бруккера,—особенно въ главномъ его произведеніи „*Historia critica philosophiae*“,—часто анекдотично на манеръ Діогена Лаэртія и чересчуръ мало обращаетъ вниманія на идейную связь философскихъ ученій. Ему не хватаетъ идеи развитія философіи и понятія объ относительной цѣнности философскихъ воззрѣній. Для него существуетъ только одна истина, а все остальное—заблужденіе. Отсюда исторія философіи—„*infinita falsae philosophiae exempla*“.

жить ядромъ особой научной дисциплины“¹⁾. Гегель съ справедливой ироніей говоритъ о подобныхъ исторіяхъ философіи, какъ о сборникахъ мнѣній различныхъ ученыхъ господъ “*de omnibus rebus et de quibusdam aliis*“,—„обо всѣхъ вещахъ и еще о нѣкоторыхъ другихъ“... Въ сравнительно позднее уже время стали примѣнять критическую оцѣнку источниковъ (Буле, Фюллеборнъ)²⁾ и стремиться къ безпристрастной оцѣнкѣ историческаго значенія отдѣльныхъ ученій (Тидеманъ)³⁾ и къ систематической критикѣ съ точки зрѣнія новѣйшей философіи (Теннеманъ, Фризь, Шлейермахеръ)⁴⁾. Здѣсь можно уже видѣть зачатки научной исторіи философіи.

Но окончательно выяснилось значеніе исторіи философіи, какъ самостоятельной науки, только благодаря Гегелю. Гегель первый понялъ значеніе исторіи философіи для самой философіи. Онъ первый сталъ настаивать, что смѣна философскихъ системъ не есть случайное хронологическое слѣдованіе однихъ ученій за другими, а законмѣрный процессъ послѣдовательнаго раскрытія моментовъ истины. Онъ былъ убѣжденъ, что „то же самое развитіе мышленія, которое представлено въ исторіи философіи, имѣетъ мѣсто и въ самой философіи, но освобожденное отъ собственно исторической внѣшности (*Ausserlichkeit*),—чисто въ элементѣ мышленія“⁵⁾. Онъ полагаетъ, что „послѣдовательность философ-

1) *W. Windelband*, *Geschichte der Philosophie*. 1892. SS. 7 ff.

2) *J. G. Buhle*, *Lehrbuch der Geschichte der Philosophie und einer kritischen Litteratur derselben*, 8 Bände, 1796—1804.—*Geschichte der neueren Philosophie seit der Epoche der Wiederherstellung der Wissenschaften*, 6 Bde. 1800—1805.—*G. G. Fülleborn*, *Beiträge zur Geschichte der Philosophie*, 1. bis 12. Stück, 1791—99.

3) *D. Tiedemann*, *Geist der speculativen Philosophie*, 7 Bde, 1791—97. Собственная точка зрѣнія Тидемана опредѣляется своеобразнымъ соединеніемъ элементовъ Локка съ Лейбнице-Вольфианской философіей. Въ оцѣнкѣ системъ онъ старается быть безпристрастнымъ и принимать въ расчетъ относительное ихъ достоинство.

4) *W. G. Tennemann*, *Geschichte der Philosophie*, 11 Bde, 1798—1819.—*Grundriss der Gesch. d. Philosophie*. 1812.—*J. F. Fries* *Gesch. d. Phil.*, 2 Bände, 1837—40. *Schleiermacher*, *Gesch. d. Philos.* 1839. Изъ трудовъ Шлейермахера особенно важны введенія и примѣчанія къ переводу сочиненій Платона.

5) *G. W. F. Hegel*, *Encyklopädie der philos. Wissensch. im Grundrisse*. 1870. § 14.

скихъ системъ въ исторіи—та же самая, что и послѣдовательность въ логическомъ введеніи опредѣленій идеи чрезъ понятіе“ ¹⁾. Во всѣ времена существуетъ только одна диалектически развивающаяся философія ²⁾. Послѣдняя по времени философія есть „результатъ всѣхъ прежнихъ; ничто не теряется, всѣ принципы сохраняются“ ³⁾. „Мастеръ же, производящій эту работу тысячелѣтій, есть единый живой духъ, къ мыслящей природѣ котораго принадлежитъ—доводить до своего сознания то, что онъ есть (свою собственную сущность—*das, was er ist*), и какъ только это станетъ, такимъ образомъ, предметомъ, тотчасъ же возвысится надъ нимъ и быть въ себѣ вышею ступенью. Исторія философій показываетъ въ различно проявляющихся философіяхъ частію единую философію на различныхъ ступеняхъ ея развитія, частію же то, что особые принципы, лежащіе въ томъ или другомъ случаѣ въ основѣ извѣстной системы, суть лишь вѣтви одного и того же цѣлаго. Послѣдняя по времени философія есть результатъ всѣхъ предшествующихъ философій и потому должна содержать въ себѣ принципы всѣхъ ихъ; слѣдовательно, она,—если только является философіей,—есть самая развитая, богатая и конкретная философія“ ⁴⁾. Исторія философіи есть „исторія самонахожденія мысли (*Geschichte von dem Sich—selbst—finden des Gedakens*)“ ⁵⁾, „исторія открытія мыслей объ абсолютномъ, составляющемъ ея предметъ“ ⁶⁾.

Эти воззрѣнія Гегеля скоро были оцѣнены по достоинству. Основной принципъ всѣми былъ признанъ совершенно правильнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ безъ труда были созданы и односторонности и преувеличенія такого воззрѣнія. Возраженія направлялись больше всего на параллелизмъ исторической послѣдовательности системъ съ логической послѣдовательностью раскрывавшихся въ нихъ понятій. Такъ, знаменитый Эдуардъ Целлеръ во введеніи къ своей „Философіи Грековъ“ полемизируетъ именно противъ этой мысли Ге-

¹⁾ — , *Philos. d. Gesch.* I, 43 ff.

²⁾ — , III, 690.

³⁾ I. c. S. 685.

⁴⁾ *Encykl.* § 13.

⁵⁾ *Gesch. d. Philos.* S. 15.

⁶⁾ I. c. S. 12.

гегля. „Область исторіи, — говорить онъ, — по своей природѣ отлична отъ области философіи. Философія должна изслѣдовать сущность вещей и всеобщіе законы быванія, исторія же имѣетъ своею задачей изложить и объяснить изъ ихъ эмпирическихъ условій опредѣленія, данныя въ извѣстномъ времени явленія. Обѣ онѣ нуждаются другъ въ другѣ, но ни одна изъ нихъ не можетъ быть вытѣснена или замѣнена другою, и, въ свою очередь, именно исторія философіи не можетъ сдѣлать никакого употребленія изъ тѣхъ пріемовъ, которые примѣнимы (да и то съ большими ограниченіями) лишь въ философской системѣ. (Когда утверждаютъ, что историческая послѣдовательность философскихъ системъ тождественна съ логическою послѣдовательностью понятій образующихъ главныя характерныя черты этихъ системъ, то здѣсь смѣшиваются двѣ весьма различныхъ вещи. Логика, какъ ее понимаетъ самъ Гегель, должна изложить чистыя опредѣленія мысли какъ таковыя, исторія же философіи излагаетъ развитіе человѣческаго мышленія во времени. Если допускать, что тотъ и другой ходъ развитія совпадаютъ, то надо предположить, что логическія или, точнѣе, онтологическія опредѣленія образуютъ существенное содержаніе всѣхъ этихъ философскихъ системъ и что эти опредѣленія въ теченіе исторіи получаютъ съ тѣхъ же исходныхъ точекъ зрѣнія и въ томъ же порядкѣ, какъ и въ логической конструкціи чистыхъ понятій. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Философія не есть только логика или онтологія; предметъ ея образуетъ дѣйствительность вообще. Философскія системы показываютъ намъ совокупность доселѣ предпринятыхъ попытокъ достигнуть научнаго міровоззрѣнія; ихъ содержаніе, поѣтому, нельзя сводить только къ логическимъ категоріямъ, не лишая его чрезъ это свойственныхъ ему особенностей и не улетучивая въ абстракціи. Въ то время, какъ спекулятивная логика начинается съ самыхъ абстрактныхъ понятій, чтобы отсюда переходить къ болѣе конкретнымъ опредѣленіямъ, историческое развитіе философскаго мышленія начинается съ разсмотрѣнія конкретнаго, — ближайшимъ образомъ внѣшней природы, потомъ человѣка и только постепенно приводитъ къ логическимъ и метафизическимъ абстракціямъ. И законъ развитія въ логикѣ иной, нежели въ исторіи. Тамъ дѣло идетъ только о

внутреннемъ отношеніи понятій, при чемъ временное отношеніе игнорируется, здѣсь — о совершающихся въ теченіе времени измѣненіяхъ. Тамъ движеніе впередъ отъ предшествующаго къ послѣдующему направляется исключительно по логическимъ точкамъ зрѣнія: къ каждому опредѣленію примыкаетъ ближайшимъ образомъ такое новое опредѣленіе, которое можетъ быть изъ него выведено правильнымъ мышленіемъ. Здѣсь, напротивъ, прогрессъ направляется психологическими мотивами: каждый философъ изъ полученнаго отъ своихъ предшественниковъ наслѣдства, каждое время изъ доставшейся ему по традиціи доктрины дѣлаютъ то, что они умѣютъ изъ этого сдѣлать сообразно съ своимъ пониманіемъ полученнаго, съ своей манерою мыслить, съ своимъ опытомъ, знаніями, потребностями и научными средствами. А это, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ оказаться совершенно не тѣмъ, что сдѣлали бы изъ даннаго матеріала мы съ нашей точки зрѣнія. Логическая послѣдовательность можетъ господствовать надъ историческимъ прогрессомъ философіи всегда только въ той мѣрѣ, въ какой ее знаетъ философъ и въ какой признается необходимость ей слѣдовать; а какъ обстоитъ дѣло въ этомъ отношеніи, зависитъ отъ всевозможныхъ обстоятельствъ, которыми обуславливаются научныя убѣжденія: наряду съ тѣмъ, что можетъ быть прямо или косвенно выведено изъ предшествующей философіи,—какъ простое логическое слѣдствіе или какъ результатъ критики, — имѣютъ здѣсь нерѣдко рѣшающее вліяніе состояніе и потребности практической жизни, религіозныя интересы, уровень эмпирическихъ знаній и общаго образованія. Не всѣ системы можно разсматривать только какъ выводы изъ ближайшихъ предшествующихъ имъ системъ, и ни одна система, заключающая въ себѣ сколько нибудь оригинальныя идеи, не ограничивается по своему происхожденію и содержанію такими рамками; напротивъ, именно новое въ нихъ обыкновенно открывается благодаря тому, что бывають сдѣланы новые опыты или къ сдѣланнымъ уже примѣняются новыя точки зрѣнія, тому или другому моменту усваивается иное, нежели доселѣ, значеніе. Отнюдь, поэтому, не соглашаясь съ Гегелевскимъ положеніемъ мы должны скорѣе сказать, что нѣтъ ни одной такой философской системы, принципъ которой могъ бы выразиться

чисто логическимъ понятіемъ, и ни одна система не вырабатывается изъ предыдущихъ только по закону логическаго развитія“¹⁾.

Въ весьма рѣшительной и, въ свою очередь, пожалуй, уже не вполнѣ справедливой оппозиціи къ Гегелю стоитъ Ибервергъ (и его позднѣйшій издатель Гейнце). Главные недостатки принципіальнаго возрѣнія Гегеля на исторію философіи,—не считая неправильностей и односторонностей въ освѣщеніи различныхъ философскихъ ученій въ его собственныхъ „Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie“²⁾,—

1) *Ed. Zeller, Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung. 1. Theil. 5. Auflage. 1892. SS. 9—11.*—Возставая противъ отождествленія логической и исторической послѣдовательности, Целлеръ является противникомъ и попытокъ философски конструировать исторію. „Научная обработка философско-историческаго матеріала, говоритъ онъ, естественно должна слѣдовать тѣмъ же законамъ, какъ и всякая вообще историческая работа. Наша задача состоитъ въ отысканіи и изображеніи того, что происходило; его философская конструкція все равно не была бы дѣломъ историка, если бы сама по себѣ и была возможна. Но она и невозможна—по двумъ основаніямъ. Впервыхъ, никто не можетъ обладать такимъ исчерпывающимъ понятіемъ челоѳчества, чтобы быть въ состояніи знать всѣ условія его историческаго развитія такъ точно и учесть всѣ ихъ безчисленныя комбинаціи настолько полно, что отсюда можно было бы вывести какъ особенности различныхъ эмпирическихъ состояній челоѳчества, такъ и временное измѣненіе этихъ обстоятельствъ. А затѣмъ, историческое движеніе само по себѣ отнюдь не таково, чтобы могло быть предметомъ апіорной конструкціи. Ибо исторія по существу дѣла есть результатъ свободной дѣятельности индивидуумовъ, и хотя несомнѣнно, что въ самой этой дѣятельности господствуетъ и въ ней осуществляется нѣкоторый всеобщій законъ, однако ни одно изъ ея произведеній, не исключая самыхъ значительныхъ явленій исторіи, не можетъ быть вполнѣ, во всѣхъ своихъ частныхъ чертахъ изъяснено изъ апіорной необходимости. Дѣйствіямъ индивидуумовъ присуща вся та случайность, которая составляетъ удѣлъ конечной воли и разсудка, и если изъ встрѣчи, борьбы и тренія этихъ индивидуальныхъ дѣйствій въ концѣ концовъ всетаки возникаетъ закономѣрное совокупное теченіе, то при этомъ не только отдѣльные элементы данаго теченія, но и цѣлое ни въ одномъ пунктѣ не оказываются просто-на-просто необходимыми, а необходимо все лишь настолько, насколько оно принадлежитъ къ общему ходу, какъ къ нѣкоторому логическому скелету исторіи, въ своихъ же временныхъ проявленіяхъ, напротивъ, все болѣе или менѣе случайно“ (а. а. О. 8—9).

2) Изданы Мишле въ 3 томахъ (въ собр. соч. Гегеля—т. 13—15). Образцомъ пристрастнаго толкованія философскихъ ученій прошлаго Ибервергъ беретъ, съ одной стороны, изложеніе Гегелемъ нѣкоторыхъ

по мнѣнію Ибервега, обусловлены тремя слѣдующими допущеніями:

а) что каждая форма исторической дѣйствительности въ своихъ историческихъ границахъ и въ особенности каждая философская система, какъ опредѣленный членъ общаго философскаго развитія, на своемъ мѣстѣ должны считаться вполне правомочными явленіями, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ, наряду съ имѣющею свое историческое оправданіе ограниченностью отдѣльныхъ формъ, выступаютъ, какъ элементы, уже не имѣющіе и такого относительнаго оправданія, прямое заблужденіе и ложь и влекутъ за собою уклоненіе фактическихъ формъ отъ идеальныхъ нормъ развитія (въ особенности нѣкоторыя по временамъ господствующія реакціи и ложныя антиципаціи);

б) что въ Гегелевской системѣ ходъ развитія философіи имѣетъ свой абсолютный, по существу дѣла не могущій быть превзойденнымъ дальнѣйшей работой мысли, заключительный моментъ;

в) что историческая послѣдовательность отдѣльныхъ философскихъ точекъ зрѣнія естественно совпадаетъ, безъ какого либо существеннаго различія, съ систематической послѣдовательностью отдѣльныхъ категорій,—будь то только логическія категоріи ¹⁾ или также и категоріи натурфилософіи и философіи духа ²⁾.

Самъ Ибервегъ имѣетъ замѣтную склонность къ хроникальному, а по мѣстамъ даже чисто библиографическому изложенію исторіи философіи (иногда, впрочемъ, сопровождаемому критикой не раздѣляемыхъ имъ философскихъ взглядовъ) и потому даже къ самому общему требованію разсматривать философскія системы, какъ моменты приближенія къ истинѣ (независимо отъ степени послѣдовательности и неуклонности такого приближенія), особенно сочувствія не обнаруживаетъ.

философемъ Платона въ духѣ своей системы имманентности, а съ другой, превратное толкованіе ученія Локка вслѣдствіе неправильной оптики его научныхъ мотивовъ.—*Ueberweg*, Grundriss der Geschichte der Philosophie. 1. Theil. Das Alterthum. 8. Aufl., bearbeitet und herausgegeben von *M. Heinze*. 1894. S. 11.

¹⁾ Какъ можно думать по Vorl. über die Gesch. d. Philos. Bd. I, S. 128.

²⁾ Vgl. ebend. S. 120, u. Bd. III, S. 686 ff.—*Ueberweg-Heinze*, a. a. O.

Конечно, не трудно было понять и исправить ошибку Гегеля, состоявшую, какъ видимъ, въ томъ, что онъ бралъ исторію философіи въ ея, такъ сказать, идеальномъ движеніи,—такою она должна бы быть, если бы системы представляли неуклонное движеніе къ послѣдовательному выясненію истины съ разныхъ сторонъ;—онъ игнорировалъ тѣ реальныя условія философствованія, на которыя потомъ было обращено надлежащее вниманіе и о которыхъ теперь такъ много говорится въ руководствахъ и изслѣдованіяхъ по исторіи философіи ¹⁾, условія, столь затрудняющія для человѣческой мысли приближеніе къ истинѣ; не трудно было отбросить и то ошибочное убѣжденіе Гегеля, что именно его система составляетъ завершительный моментъ историческаго роста философіи. Но основной взглядъ Гегеля на сущность историческаго процесса въ смѣнѣ философскихъ ученій, какъ процесса послѣдовательнаго, связнаго и законмѣрнаго приближенія къ истинѣ,—совершенно правиленъ. Только съ провозглашеніемъ и установкой этого взгляда, исторія философіи получила свое научное *raison d'être*. Только теперь она освобождалась отъ своего хроникальнаго и односторонне-критическаго характера, какой она получила въ первыхъ научныхъ попыткахъ ея обработки.

Плодотворное примѣненіе этого взгляда самому Гегелю,—какъ было показано многими критиками, —удалось очень плохо: слишкомъ ужъ много однообразной законмѣрности онъ требовалъ отъ философскихъ системъ и, чтобы открыть эту законмѣрность и сдѣлать изъ послѣдовательно смѣнявшихся системъ ступени къ абсолютной, т. е. своей собственной, философіи, онъ сильно искажалъ истинный характеръ системъ, втискивая ихъ въ свои апріорныя рубрики. Но открытіе плодотворнаго принципа, во всякомъ случаѣ, стоитъ его удачнаго примѣненія, и потому заслуга Гегеля для нашей науки все равно остается незабвенной. Положительная и цѣнная сторона Гегелевскаго воззрѣнія на исторію философіи, а равно и сознаніе допущенныхъ имъ ошибокъ образуютъ ту почву, на которой выросло и выработалось тепе-

¹⁾ См. въ цитированномъ нашемъ соч. „Исторія философіи, какъ процессъ и т. д.“, стр. 26 и слѣд.

решнее ясное сознаніе истинныхъ научныхъ задачъ исторіи философіи и правильное пониманіе ея методовъ.

Болѣ всего въ этомъ отношеніи принесъ пользы наукѣ своими многочисленными работами знаменитый Куно Фишеръ,—хотя и самъ гегельянецъ, но свободный отъ главнѣйшихъ недостатковъ этой школы. Можно даже прямо сказать, что лишь благодаря ему Гегелевское воззрѣніе на исторію философіи удержалось, не смотря на крушеніе системы, въ нѣдрахъ которой оно зародилось. Въ виду этого, мы позволимъ себѣ нѣсколько подробнѣе познакомить читателей съ существенными воззрѣніями Куно Фишера на нашу науку. Это не только полезно для предположеннаго частнаго выясненія нашихъ собственныхъ взглядовъ на этотъ предметъ, но и обязательно, какъ дань научной благодарности.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. Тихомировъ.
